

Витебской области, которые начали работать с 1 сентября 1942 г. [3, с. 137]. Как показывают архивные материалы, наибольший размах процесс создания и открытия школ приобрел в 1943 г., что было связано с усилением партизанского движения. Партийное руководство придавало большое значение делу организации школ и обучению детей. Одной из причин такого внимания к этому процессу стала идеологическая борьба за подрастающее поколение. Фашистская политика онемечения требовала мер противостояния. Контроль над школой давал возможность вести воспитание в пионерской традиции, ненависти к врагу. Неизбежная победа СССР в войне с Германией, в которую верили, временности оккупационного режима требовали от педагогов по возможности сохранить педагогический процесс в соответствии с требованиями советской школы. Для самих учеников посещение школы представляло собой не только процесс получения знаний. Эта была попытка возобновить довоенную жизнь, пускай только в некоторой степени. Через школу узнавали об изменениях на фронте, в школе встречались с партизанами, изучали оружие, переписывали листовки, выполняли общественно-полезную работу.

Организация школьной и внешкольной деятельности давала возможность для социализации детей в общество, что жило в условиях войны, осуществляла немаловажную функцию контроля. Школа выполняла морально-воспитательную функцию. По воспоминаниям учителей, "школа вселяла уверенность в силу партизан и победу Красной Армии", а по признанию учеников – "самое лучшее, что осталось в памяти с того жуткого времени – это наша школа. Учеба и пионерская работа пробудили все наши мечты и думы о Родине. Мы жили жизнью всей страны".

Список использованных источников

1. Калинина, С. В. Военно-патриотическое воспитание учащихся в предвоенное десятилетие / С. В. Калинина // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 11 – 17.
2. Каваленя, А. А. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы ў асяроддзі беларускіх партызан. 1941–1944 гг. (па матэрыялах БШПР) / А. А. Каваленя, А. А. Калесніцава // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі : зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка ; Фонд фундам. даслед. РБ. – Мінск, 1998. – С. 77–90.
3. Жылінскі, М. Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.) : манאграфія / М. Г. Жылінскі ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ, 2006. – 204 с.

УДК 37.035.6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ (1941-1945 гг.)

К.и.н., доц. Баталко Т.И.

Витебский государственный технологический университет

Прошедшие годы засвидетельствовали, что появление на мировой арене целого ряда суверенных республик было обусловлено не столько объективными, сколько субъективными факторами. К числу последних можно смело отнести и беспрецедентные искажения СМИ исторического прошлого этих республик. Результатом подобных усилий стала возросшая активизация националистических настроений, которые свои идеи выдавали за патриотические ценности. В те же годы была дискредитирована и фактически сломана существующая система духовно-нравственного и патриотического воспитания, что обернулось отчуждением определенной части от Родины, её базовых ценностей, процветанием жесткого прагматизма, торгашеских принципов, которые несовместимы с традиционными ценностями. Отсутствие патриотизма делает государство уязвимым, а народ, лишенный национального достоинства и гордости, не

способен защищать себя. Итоги разрушительной идеологической деятельности «прорабов перестройки» впечатляюще печальны. К ним относятся и попытки засорить обыденное сознание масс, внести методологическую путаницу, прежде всего в историческом знании, поскольку именно оно является основой исторической культуры, патриотизма. Именно утратой исторической памяти объясняется тот факт, что многие молодые люди перестали говорить «наша Родина», «наша армия», «наши герои», «мы победили», заменяя подобные выражения отстраненным «эта страна», «сталинский режим», «советский» или «коммунистический тоталитаризм» и так далее. Но три поколения белорусов выросли в условиях советского патриотизма и привыкли называть вещи своими именами: карася – карасем, щуку – щукой, крокодила – крокодилем. Ныне – другие времена – «берешь в руку пескаря, а это оказывается гадюка» (В. Розанов).

Информационная культура личности связана неразрывно с умением анализировать информацию, противостоять потоку неконтролируемой лживой информации в происходящей ныне острой идеологической борьбе. Именно поэтому так важна среди молодежи работа, направленная на формирование не только профессиональной, но и социальной компетентности, сознательного патриотизма, нравственного потенциала молодых людей.

Решение этой задачи в значительной степени зависит от того, как будет воспринят духовно-нравственный потенциал, накопленный белорусским народом в годы Великой Отечественной войны. Победа советского народа в Великой Отечественной войне является мощной составляющей патриотизма, и это хорошо понимают на западе. Неслучайно в ряде стран, особенно в Польше и Прибалтике, предпринимаются меры по ликвидации памятников советским воинам, павшим при освобождении этих стран от фашизма. Западные СМИ навязывают образ СССР как империи зла, а советских солдат выставляют оккупантами. Зато участники фашистских националистических дивизий, сражавшихся вместе с гитлеровцами, коллаборантов объявляют настоящими патриотами. Дело дошло до призыва создания музеев оккупантов, под которым понимаются советские воины. К сожалению, и свои белорусские антипатриоты выступают под лозунгом «Чем хуже для Беларуси – тем лучше».

Одной из важнейших составляющих патриотической культуры является историческая деятельность предшествующих поколений. Ведь результаты их деятельности и выступают в качестве материальных и духовных оснований, благодаря которым и возможно осуществление современного социума. Историческая преемственность внутренне присуща самой патриотической культуре, является её ценностью. Иными словами, прошлое не исчезает бесследно. Оно продолжает существовать в целом. К сожалению, сами исторические события очень часто искажаются публицистами, учеными-гуманитариями, журналистами, которые (вольно или невольно) стремятся деформировать патриотическое сознание народа и прежде всего, молодежи. Таким образом, историческое знание играет кардинальную роль в выработке патриотического сознания у каждого члена общества. И это хорошо понимают на Западе. Так, американский историк Артур Шлезингер в книге «Разобобщенная Америка» предлагает методику, по которой невыгодная жизненная правда (факты, события) игнорируется, отрицается или искажается. Вот его советы: «Первый шаг ликвидации народа – это стирание его памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Попросите кого-нибудь написать новые книги, ...сфабриковать новую культуру... Вскоре народ начнет забывать, кто он и кем он был» [1, с. 23]. Сегодня становится очевидным, что в эпоху глобализации национальная история просто не нужна: национальные летописи жизни опасны, так как базируются на утверждении своих национальных достоинств, а поэтому подлежат иной интерпретации. События, связанные с празднованием 65-летия Великой Победы подтвердили актуальность иезуитского лозунга на все времена: вали столбы – заборы упадут сами.

Некогда английский философ Фрэнсис Бэкон сказал: «В истории черпаем мы мудрость». К сожалению, в наше время слишком много охотников не мудрость черпать, не уроки извлекать из истории Великой Отечественной войны, а фальсифицировать ее, пересмотреть итоги и оценку, нагло оболгать знаковые фигуры всенародной борьбы.

Список использованных источников

1. Кузьмич, М. Стрела в бесконечность : сборник статей / М. Кузьмич. – Витебск: Витебская областная типография, 2010. – 96 с. – С. 23 – 50.

УДК 930.1

ГОРОД КАК МЕСТО ИМЕНИ

Асп. Ростовская О.М.

Витебский государственный технологический университет

Познание исторической индивидуальности города начинается с имени, а ее понимание происходит посредством последовательного проникновения в смыслы и значения городских исторических мест с их именами и теми образами, которые они удерживают в себе, персонифицируясь в имени (или именах). Всякое место имеет имя. Имя сущностно слито с местом, а так как место есть имя и имя места есть место памяти, то очевидно, что всякое место есть место памяти, и всякая личность, имея имена, фрагментарно тождественна их сущности. Смысл и энергия имени воспроизводят единство социально-исторического и индивидуального. Имя – ключ, благодаря которому мы ориентируемся в мире. Имя – ориентир в социальном пространстве, соответственно, без имени мир дезориентирован.

Сущностно всякое имя являет собой: артефакт, обусловленный развитием языка и культуры; место памяти, доисторическое и историческое место (имеется в виду мифологический и социально-исторический срез интерпретации имени); образ; форму социокультурной идентичности.

Человек имеет имя, его идентифицирующее, и все обретает имя – называется – благодаря способности человека в его социальном измерении, в его соборном смысле, облекать образы в понятия.

События имеют свои имена и свои места, и этим они укореняются в почву исторического. Поминование мест не просто антропологично, оно событийно закреплено в истории. Имя социально, и практика поминовения и мемориализации есть социальная практика, интегрирующая и консолидирующая. Именованье в социально-исторической памяти отражает многообразие и единство социальной жизни как проявленного всеединства в человеческом коллективном и индивидуальном. И автор «Философии имени», русский философ А.Ф. Лосев был справедлив, отмечая, что в имени «обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления», что имя есть сама социальная действительность [6, с. 20].

Город как место памяти есть место имени. Имя города – отправная точка к познанию исторической индивидуальности города. Город не может быть безымянным – безымянным, как и человек, если только он не асоциален. Как и человек, город – социальная, социализированная индивидуальность.

Есть города, индивидуальность которых нераскрыта в силу исторических обстоятельств или стерта под воздействием смены идеологических, культурно-стилистических парадигм. Есть города с яркой индивидуальностью (Барселона, Рим, Париж, Прага). Уже одно имя говорит об их величии. Даже если вы никогда не видели Рим, его имя влечет за собой ряд образов и понятий, его память проявляется в разрезе мифологическом, историческом и реально-настоящем. Когда вы между ними – вам открывается город как откровение. Его память вливается в вашу поток впечатлений и ассоциаций.

Город и его имя, и его образ – единое, как город и его культурные формы. *Всякий город соткан из имен.* Он именами переполнен, и все его пространство звучит и помнит. Город помнит, пока его имя – мемориальное место и место воспоминаний.

Восприятие города индивидуально и внеиндивидуально, и здесь границу выстраивает, прежде всего, модус воспоминания-переживания, то есть модус биографической памяти. Город как протяжённая историчность, воплощённая в культурных формах.